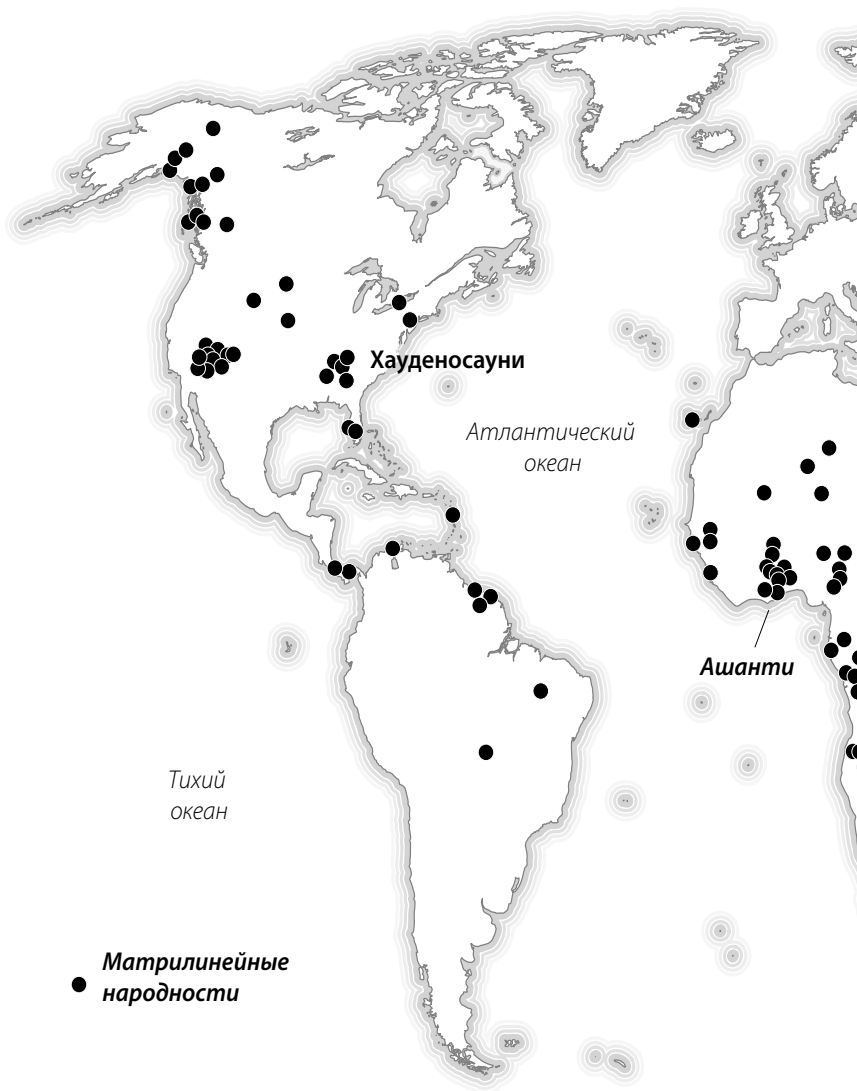

МАТРИЛИНЕЙНАЯ КАРТА МИРА

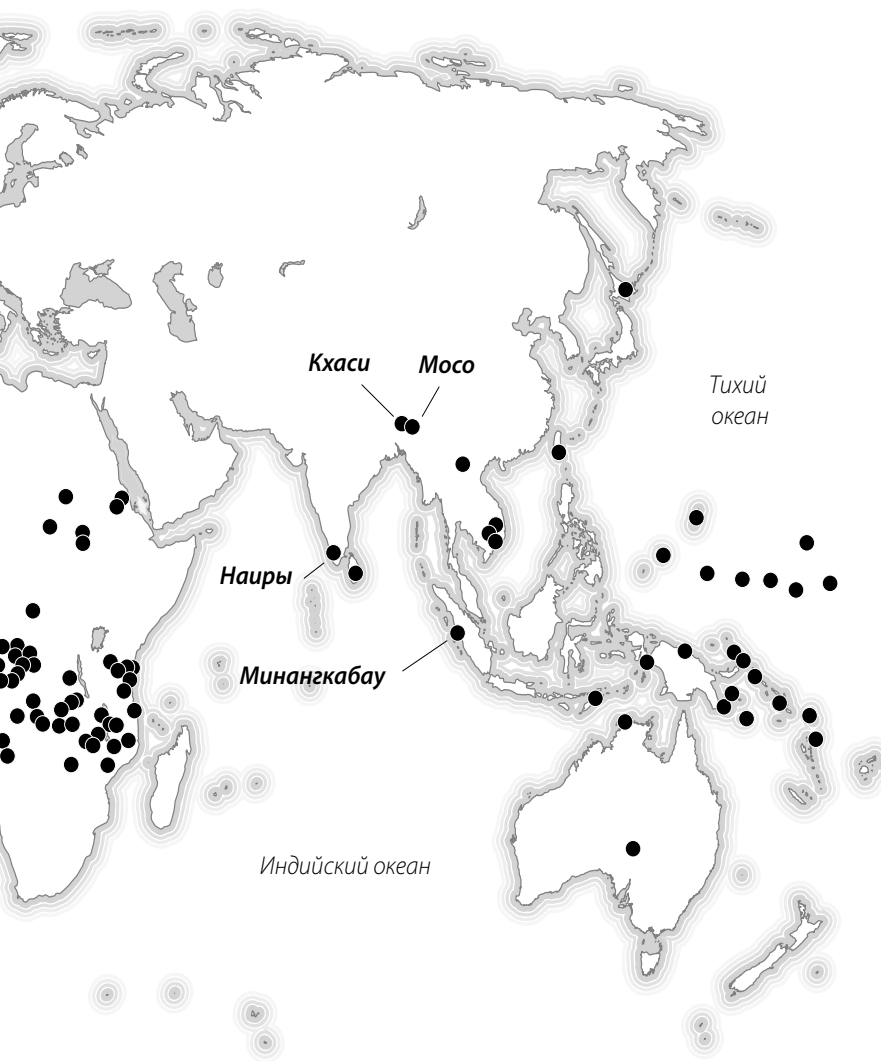

Иллюстрация Мартина Брауна (основана на «Рисунке 1» к статье Александры Суворец, Кейт Т. Снайдер и Николь Креанцы «Глобальный взгляд на матрилинейность: проливная свет на системы человеческого родства посредством кросс-культурного анализа», опубликованной в журнале «Философские труды Королевского общества Б», том 374, № 1780, от 2 сентября 2019).

ВВЕДЕНИЕ

Во время написания этой книги меня не отпускали образы богинь. Среди встречавшихся мне изображений есть одно, к которому я возвращаюсь до сих пор. Это популярная индийская литография, созданная чуть более века назад. Кали, истребительница демонов, покровительница времени и смерти, призывает нас взглянуть на учиненную ей бойню. Выпученные глаза, высунутый язык, ярко-синяя кожа приковывают взгляд. Волнистые черные волосы спадают ниже талии, опоясанной юбкой из отсеченных рук. Отрубленные головы висят на шее, как цветочное ожерелье. В одной руке она держит меч; в другой — голову демона; третья рука держит блюдо, на которое, словно подношение, стекает кровь поверженного; четвертой же Кали обводит кровавую сцену вокруг, словно благословляя ее.

Древнеиндийские богини и боги зачастую трансгрессивны, будто призваны из других вселенных. Но в эпоху империи британские власти и христианские миссионеры в Индии приходили в такой ужас от вида конкретно Кали, что революционеры-националисты избрали ее символом оппозиции колониальному правлению. Есть картины, на которых она изображена с серьгами в виде трупов, целиком продетых в мочки ее ушей. «До чего жуткий вид! — писала одна англичанка в трактате, опубликованном Библейским миссионерским обществом в 1928 году. — Однако же это дикое божество называют доброй матерью!»

Парадокс Кали заключается в том, что она — богиня-мать, та, кто бросает вызов современным представлениям о женском начале и власти. Независимо от того, является ли она отражением человечности или темной ее стороной, тот факт, что она в принципе родилась в чем-то воображении, не перестает удивлять. В XXI веке ее приняли в свое лоно активистки борьбы за женские права от Нью-Дели до Нью-Йорка, называя ее «иконой феминизма, в которой мы сегодня нуждаемся». В ее лице мы еще можем разглядеть свою способность низвергнуть социальный статус-кво. Осознать нестерпимую ярость в сердцах угнетенных. Мы даже можем задаться вопросом: не головами ли многих патриархов истории увешана ее шея?

Вот какую власть имеет над нами прошлое. Почему мы в XXI веке обращаемся к героям древней истории, ища в них подтверждение

нашей способности изменить мир? Что дает нам Кали, чего мы не можем найти внутри себя?

Примерно о том же рассуждал философ Кваме Энтони Аппиа, однажды спросивший, почему некоторым из нас необходимо поверить в более равноправное прошлое, чтобы представить себе более равноправное будущее. Этот вопрос взбудоражил умы многих историков, ученых, антропологов, археологов и феминисток. Я, как научная журналистка, пишущая о расизме и сексизме, тоже порой задумываюсь об этом. Мы хотим знать, как наши общества пришли к своей нынешней структуре и что они представляли собой раньше. И я думаю, что, глядя на Кали, мы хотим поверить в потенциальную возможность существования такой эпохи, где власть не принадлежала бы мужчинам; в утраченный мир, где феминность и маскулинность не означали бы того, что они означают теперь.

Но эта одержимость историческим прецедентом говорит нам и кое о чем другом. Она невольно дает понять, насколько безнадежной порой может казаться наша жизнь. Слово, которое мы сейчас используем для описания угнетения женщин — «патриархат» — стало чудовищным монолитом, вмещающим все виды жестокого и несправедливого отношения, с которым сталкиваются женщины и девочки во всем мире, начиная от домашнего насилия и изнасилований и заканчивая разницей в оплате труда и двойных моральных стандартах. Взятые вместе, они обретают размах и масштабы, на первый взгляд совершенно неподвластные контролю. Гендерное угнетение начинает казаться одним сплошным заговором, уходящим корнями в самое начало времен. Что-то, несомненно, ужасное должно было случиться в нашем забытом прошлом, чтобы привести нас в ту точку, где мы сейчас находимся.

Люди давно пытаются понять истоки патриархата.

В 1680 году английский политический теоретик сэр Роберт Филмер активно продвигал идею божественного права королей на власть, утверждая в своей «Патриархии», что государство подобно семье, в которой короли, по сути, выступают в роли отцов для своих детей — подданных. Коронованный глава государства становился высшим, рукоположенным богом земным патриархом, чей авторитет восходил к патриархам библейских времен. В мировоззрении Филмера — весьма удобном для аристократа, защищающего короля от его

критиков, — патриархат был заложен в естественном порядке вещей. Он начинался с малого, в семьях, где отец господствовал над своим хозяйством, и заканчивался глобальным, укореняясь в институтах политики, права и религии.

В середине XIX века, а затем и во второй половине XX, интеллектуалы то и дело возвращались к концепции патриархата и истории его становления. Что это: всеобъемлющее господство всех мужчин над всеми женщинами или нечто более конкретное? Что стоит у его истоков: гендерный вопрос или вопрос труда? Укрепился ли патриархат благодаря капитализму или существует независимо от него? Есть ли у него вообще «история становления», или всему виной первородный закон, продиктованный нашей природой?

Даже сотни лет спустя во фрактальной интерпретации Роберта Филмера сохранялось убедительное зерно. В «Политике пола», классическом феминистском труде 1970 года, американская активистка Кейт Миллетт определила патриархат как доминирование более взрослых мужчин над более молодыми, а также доминирование мужчин над женщинами в целом. По-прежнему считалось, что гендерная власть брала начало в отчем доме, распространяясь за его пределы на общество и государство.

Но оставался вопрос, как мужчины изначально обрели эту власть. В 1979 году, изучая богатый пласт накопившихся к тому времени феминистских публикаций о патриархате, британский социолог Вероника Бичи заметила, что первопричины мужского господства чаще всего связывали с вопросами пола и произведения потомства. Принято было считать, что угнетение женщин зиждется на патологической тяге мужчин к доминированию над женским телом. «Тем не менее, — писала она, — нигде не разъясняется, что конкретно превращает мужчин в угнетателей и, что более важно, какие характеристики тех или иных форм общества наделяют их властью над женщинами».

По мнению Бичи, любая универсальная теория патриархата ломается о тот факт, что гендерное неравенство и угнетение никогда и нигде не были одинаковыми для всех. Взять ту же богиню Кали, в которой мы видим символ женской власти. Неважно, что она — мифологический персонаж; важно, что у нее никогда не было бы столько почитателей, если бы мы не узнавали в ней частичку самих себя.

В Индии, откуда я родом, женщины из высшего и среднего класса могут нанимать для уборки и приготовления пищи как женщин, так и мужчин, причем за минимальную плату. Когда мне было двадцать два года, и я жила одна, на меня тоже работали двое мужчин. Те,

кто находится в самом низу кастовой иерархии, выполняют большую часть самой грязной и низкооплачиваемой работы в стране, включая уборку отходов жизнедеятельности за людьми и животными. Во время пандемии 2020 года, когда вся прислуга разъехалась по домам из-за карантина и не могла исполнять свои обязанности, богатейшие женщины страны внезапно оказались в ситуации, когда им, возможно, впервые в жизни пришлось заниматься ведением быта самостоятельно. Уже в начале следующего года (по случайному или не очень совпадению) политическая партия индийского штата Тамилнад начала кампанию по введению ежемесячной заработной платы для домохозяек.

Профессор феминологии Чандра Талпаде Моханти недоумевает: «Как можно говорить о повсеместном разделении труда по половому признаку, когда условия этого разделения кардинально меняются от одной среды к другой и от одного исторического момента к другому?». Если бы и впрямь существовали некие фундаментальные аспекты мужской и женской природы, наделяющие мужчин властью над женщинами и отводящие нам четко разграниченные роли, логично было бы предположить, что все люди во всем мире и на протяжении всей истории придерживались бы схожих моделей в организации быта и труда.

Но это, конечно, не так. Низкий статус одних женщин никогда не мешал другим женщинам в том же обществе обладать и распоряжаться огромными богатствами или властью. Королевы, императрицы, фараонши и могучие воительницы существовали от начала времен. За последние два века британский королевский престол дольше занимали женщины, чем мужчины. Женщины держали рабов и прислугу, и делают это до сих пор. Известны культуры, почитающие матерей настолько, что по их традициям дети даже не считаются принадлежащими к тем же семьям, что их отцы.

«Женщины из разных слоев общества имеют разный исторический опыт, — писала Герда Лернер, одна из основательниц академического направления женской истории в Соединенных Штатах, пытаюсь разобраться в этих противоречиях. — Да, женщины оставляют в истории свой коллективный след, но, в отличие от других групп людей, они также могут и всегда могли выступать частью правящей элиты. Их угнетают, но иначе, чем расовые или этнические меньшинства, хотя часть из них к ним относится. Их подчиняют и эксплуатируют, но иначе, чем низшие сословия, хотя часть из них относится и к ним».

В 1989 году политолог Кэтрин Маккиннон с удивлением отметила, что, за редким исключением, «феминизм не рассматривает мужскую

власть как упорядоченное, хоть и поврежденное, целое. Феминизм начинает приобретать черты эпического вердикта в поисках теории; эпической теории¹, нуждающейся в написании». Конечные результаты мужской власти хорошо известны — они проявляются в большей доле мужчин на руководящих постах, в том, что во многих частях мира предпочитают сыновей, в показателях сексуальных домогательств, в статистике за статистикой, — но само по себе это еще не отвечает на вопрос, как мужчины изначально пришли к власти. «Предмет, подлежащий объяснению, — становление мужского превосходства — выдается за аксиому, — отмечает Маккиннон. — Социальное главенство мужчин не анализируется, а лишь утверждается».

Истоки нашего нынешнего положения приобретают мифическую окраску. Если женщин эксплуатировали больше, чем мужчин, то причиной этому считалось их *естество*, а не материальное положение, пишет Маккиннон. Вина лежала внутри нас, а не снаружи. Даже Карл Маркс, мечтавший через коммунизм уничтожить классовое неравенство, склонялся к мысли, что половое неравенство, опиравшееся скорее на биологические различия, нежели исторические предпосылки, было исключением в ряду других форм угнетения.

В какой-то момент попытки найти универсальное объяснение угнетению женщин превратились в соревнования по упрощению, доходя порой до абсурда. Некоторые работы об истоках патриархата заканчивались выводами о том, что женщины просто оказались неспособны противостоять властной мужской руке. Они были слишком слабыми, а мужчины — слишком сильными, вот и весь сказ. В наиболее красочных из таких хроник поворотный для сюжета момент наступал, когда мирные доисторические матриархальные сообщества в одночасье свергались жестокими варварами-мужчинами, объединенными безудержной жаждой власти и сексуального доминирования. Патриархальные боги приходили на смену добрым и опекающим богиням-матерям.

«Иными словами, — писала французский социолог Кристин Дельфи, предостерегая от подобных спекулятивных нарративов, — культура нашего с вами общества приписывается “природе” некоего гипотетического общества».

¹ Под «эпической теорией» имеется в виду понятие, введенное политическим философом Шелдоном Уолином в 1967 году. В качестве примеров «эпической теории» он приводил политические труды Платона, Гоббса и др., поясняя, что если обычная политическая теория лишь анализирует события окружающего мира, «эпическая теория» оперирует символами и стремится этот мир *изменить*.

Американский антрополог Мишель Розальдо тоже относилась к такой трактовке скептически. «Мы становимся заложниками абстрактной традиции, которая вычленяет нашу “сущность” из природных характеристик, отличающих нас от мужчин, а затем заявляет, что именно этой “женской сущности” мы обязаны своей нынешней доле», — писала она в 1980 году. Имея за плечами большой опыт антропологических наблюдений за разными культурами по всему миру, Розальдо не ставит под сомнение то, что мужское доминирование действительно широчайшим образом распространено. Но в то же время отмечает, что оно выражается в самых различных формах, а потому глупо предполагать, будто за ним может стоять некий единый, глобально общий опыт.

«Было бы правильнее думать о биологическом поле так же, как и о биологической расе, — рекомендует она, — скорее как об оправдании, чем как о причине любых проявлений сексизма, с которыми мы сталкиваемся».

Исключения — вот что по-настоящему испытывает наши догадки на прочность. Мы узнаем правду о себе не из пространных и расплывчатых исторических описаний, а с обочин истории, где люди живут не так, как мы могли бы себе представлять. Свидетельства различных культур доказывают, что то, что представляется нам непреложным биологическим законом или стройной цепочкой событий, при ближайшем рассмотрении зачастую оказывается чем-то совершенно иным. Наш биологический вид демонстрирует широчайшее многообразие в избираемом нами образе жизни и ни с чем не сравнимую пластичность. Думая о неравенстве полов как о чем-то незыблемом внутри нас, мы не позволяем себе увидеть его таким, какое оно есть на самом деле: чем-то куда более уязвимым, что необходимо постоянно латать и переделывать.

Даже сейчас мы находимся в процессе его переделки.

Нет никаких весомых доказательств существования матриархальных утопий, которые были бы свергнуты одним роковым ударом. Также как нет и особых свидетельств тому, что угнетение женщин началось с дома. Зато мы видим это в исторических записях, относящихся ко времени роста самых ранних государств и империй, когда те были озабочены вопросами увеличения численности населения и содержания армий для самозащиты. Элиты этих обществ нуждались в том, чтобы молодые женщины рожали как можно больше детей, а молодые

мужчины, воспитанные ими, охотно пополняли бы войско. Именно в этот период можно заметить возникновение первых правил, ограничивающих поведение и свободу обычных людей по половому признаку. Для достижения этих базовых целей стали взывать к таким добродетелям, как верность и честь. Вокруг новых социальных установок, в свою очередь, развивались традиции и религии.

Давление общества просачивалось в дома, смещая баланс власти в семейных отношениях. В тех частях мира, где невесты покидали родные пенаты, чтобы жить в семье своего мужа, институты брака явно немало позаимствовали у широко распространенных и бесчеловечных практик обращения с рабами и пленными. К женам в их собственных домах относились как к чужакам, их статус возрастал лишь по мере того, как они становились старше и у них появлялись собственные дети. Возможно, угнетение женщин началось и не в домашних стенах, но оно добралось и туда.

Обломки прошлого говорят нам о том, что возникающие повсюду идеологии и институты, ставящие мужчин во главу угла, не могли представлять собой примитивную совокупность, в которой все мужчины одновременно осуществляли власть над всеми женщинами. Нет, конечно, они варьировались в зависимости от местных обстоятельств. Патриархальное влияние могло реализовываться множеством способов разными членами общества. Но едва это начало происходить, женщины начали давать отпор. Сопротивление и компромиссы существовали всегда. Перемены, которые мы наблюдаем в ходе истории, происходили постепенно и спорадически, вращаясь в жизнь людей на протяжении поколений, пока те не забывали, что жизнь могла быть устроена как-то иначе. В конце концов, именно так и происходит преобразование общества: путем нормализации того, что казалось немислимым раньше.

В конечном итоге, это история отдельных людей и групп, борющихся за право распоряжаться самым ценным ресурсом в мире — другими людьми. И если патриархальные способы организации общества сегодня подозрительно похожи друг на друга даже на противоположных концах земного шара, то это не потому, что общества магическим (или биологическим) образом додумались до них в одно и то же время, или потому, что женщины всего мира выбросили белый флаг и преклонили колени. А потому, что власть изобретательна. Гендерное угнетение придумывалось и оттачивалось до совершенства не только внутри обществ; оно также целенаправленно экспортировалось в течение многих веков посредством прозелитизма и колониализма.

Самое коварное в этой истории то, как много наших убеждений о человеческой природе сформированы патриархатом. Если индийская богиня Кали и может нам что-то рассказать о нашем прошлом, так это то, что представление людей об окружающем мире никогда не было статичным. Облеченные властью мужчины положили немало сил на то, чтобы придать изобретенным им гендерным догмам и иерархиям иллюзию стабильности. Сегодня их мифы стали нашими убеждениями. Мы живем по ним. Мы не осмеливаемся спросить, не потому ли Кали кажется нам такой радикальной и попирающей правила женственности, что она родом из тех времен, когда правила были иными.

Прожив столетия в нами же созданных обществах, мы даем тому, что видим, один-единственный ярлык: «патриархат». Сегодня это слово звучит почти как теория заговора, чей-то хитроумный многоступенчатый план, блистательно приведенный в исполнение, — хотя на самом деле патриархат строился и продолжает строиться по кирпичику. Мы можем убедиться в этом на примере патриархов, которые даже сегодня пытаются пролезть своими щупальцами в нашу повседневную жизнь. На примере возвращения «Талибана» к власти в Афганистане; подавления гендерных свобод в России и Восточной Европе; ограничения права на аборт в Соединенных Штатах. Эта история не закончена и не дописана. Это история, которую активно творим мы с вами прямо сейчас.

На написание этой книги ушли годы, проведенные в исследованиях и разъездах. Наибольшая трудность состояла в том, чтобы распутать клубок заблуждений, в которых увязает этот вопрос; заблуждений, маскирующихся под объективное знание, но на поверку часто оказывающихся шелухой домыслов. И чем дальше мы углубляемся в доисторическое прошлое, тем более спорными становятся свидетельства. Мифы и легенды идут рука об руку с фактами и поэтическими интерпретациями, пока их не становится почти невозможно отличить друг от друга. Я подобралась так близко, как только смогла, к выявлению самых ранних признаков мужского господства, к первым побегам социального и идеологического гендерного угнетения и постаралась проследить их медленный рост до наших дней. Представленная здесь работа, конечно, не без изъянов и белых пятен. Даже когда нам удастся разглядеть что-то за пеленой пущенной в глаза пыли, мы остаемся ограничены нашим личным опытом и убеждениями. Всем нам, отправившимся на поиски истоков патриархата, наши усилия могут сообщить меньше о прошлом, чем о настоящем.

Впрочем, возможно, именно настоящее мы в действительности и стремимся понять.

Доминирование

Но существовало ли когда-нибудь такое превосходство, которое не казалось бы естественным тем, кто им обладал?

Джон Стюарт Милль, Харриет Тейлор Милль,
«О подчинении женщины», 1869

Представьте, что строите мир с нуля.

Подобная идея лежит в основе сюжета мультимиллиардной голливудской кинофраншизы «Планета обезьян». В фантастической антиутопии, адаптированной для большого экрана по роману 1963 года французского писателя и бывшего шпиона Пьера Буля, шимпанзе, гориллы и орангутанги отбирают у застигнутого врасплох человечества звание самых могущественных существ в мире и строят на месте людской цивилизации свою собственную, формируют собственные политические и социальные институты. И вот уже *мы* становимся низшим биологическим видом. Более радикального переворота и придумать нельзя.

Фильмы, начиная с оригинала шестидесятых годов с Чарлтоном Хестоном в главной роли и заканчивая сиквелами и ремейками, снятыми за последующие пять десятков лет, намеренно провокационны. Комментарии на темы войны, прав животных и зыбкости человеческой веры в собственную исключительность читаются в них между строк. Очевиден и расовый подтекст, вкупе с аллюзиями на борьбу за гражданские права, которые критики сочли возмутительными. Но есть в «Планете обезьян» один аспект, который часто остается незамеченным зрителями: будь то люди или обезьяны, в центре действия почти всегда находятся самцы.

В оригинальном фильме был один сильный женский персонаж. Но в версии 2014 года Корнелия, самая заметная самка шимпанзе и жена главного героя-обезьяны Цезаря, появляется на экране не дольше нескольких минут. Более того, ее образ — воплощение массы гендерных стереотипов. После революции она стремительно трансформируется в компаньонку и няньку, ее волосы украшены бусами, она прижимает к груди младенца и выглядит беззащитной.

Самым соблазнительным аспектом научной фантастики была и остается жанровая индульгенция на отказ от привычных догм. Фундаментальный потенциал фантастики — в ее способности придать нам силу противостоять окружающей действительности. Покойная Урсула Ле Гуин писала, что ее романы, как и большинство любимых ею фантастических произведений, призваны творить «воображаемую, но убедительную альтернативную реальность, которая могла бы отучить мой разум, а значит, и разум моего читателя, от ленивой, трусливой привычки считать, что то, как мы живем сейчас, — это единственный доступный нам вариант жизни».

Но даже у нашей фантазии есть свои пределы. Мы непроизвольно ищем в придуманных мирах знакомые черты и хватаемся за них, как за соломинки, разрешая себе поверить в реальность вымысла. Возможно, поэтому авторы «Планеты обезьян» умышленно награждают приматов такими человеческими качествами, которыми те на самом деле не обладают. Шимпанзе и так недалеко ушли от нас в своем эволюционном развитии, но стоит лишь немного сократить это расстояние, и мы уже готовы поверить, что они действительно могут нас одолеть. Мы начинаем видеть в них самих себя — вид, стремящийся к мировому господству.

Но как же выглядит общество на заре этого дивного нового мира, где все начинается с чистого листа? Как ни странно, не слишком отличается от того, в котором мы живем сейчас. Даже допуская возможность переворота, возглавляемого шимпанзе, мы не удивляемся тому, что у руля в этих фильмах все равно оказываются самцы. Нас не посещает вопрос, почему другой биологический вид автоматически перенимает обычаи гетеросексуального брака, в котором самки неизбежно растворяются в домашней тени. Так или иначе, но обезьяны пришли к строю, подозрительно напоминающему очередной патриархат.

И если задумываться об этом, то невольно напрашивается вывод, что любой другой результат был бы фантастикой сам по себе. Фантастикой, в сюжете которой не обошлось бы без еще одной революции.

Я успела добраться до Калифорнийского зоопарка в Сан-Диего как раз вовремя, чтобы застать последствия нападения.

Заглянув в вольер, я не могла не посочувствовать самцу обезьяны, который сидел на корточках в стороне от собратьев, повернувшись

к ним спиной, и баюкал свою раненую руку, глядя на меня то ли стыдливо, то ли испуганно. Эми Пэриш, приматолог из Университета Южной Калифорнии, изучающая здешних обезьян бонобо столько лет, что те ее уже узнавали, объяснила мне, что в вопросах защиты и положения в коллективе самцы бонобо всецело зависят от своих матерей. И сейчас, когда мамы рядом не оказалось, животное стало жертвой агрессивного нападения со стороны взрослой самки.

Дальнейшие наблюдения Пэриш за бонобо, проведенные за пять лет, прошедших со дня нашего знакомства в Калифорнийском зоопарке, еще прочнее укрепили научное сообщество во мнении, что женское доминирование является нормой для этого вида. Так, самки бонобо нередко гоняются за самцами и нападают на них. И это интересно в том числе для понимания человеческой истории, ведь с точки зрения эволюции бонобо близки к нам ничуть не меньше, чем шимпанзе, что делает их одним из двух наших ближайших генетических родственников в животном царстве. Специалист по приматам Франс де Вааль, преподающий психологию в Университете Эмори, подтверждает, что за все время исследований не было обнаружено ни единой колонии бонобо, которую возглавлял бы самец — ни в неволе, ни в дикой природе. «Раньше, лет двадцать назад, на этот счет еще оставались небольшие сомнения, — говорит он мне, — но теперь это перестало быть темой для споров. Сегодня мы признаем главенство самок».

Мужское доминирование, безусловно, распространено в животном мире. Наблюдать его можно, например, среди шимпанзе. «Большинство людей считает, что патриархат заложен в природе вещей», — говорит Пэриш. Но это не всегда так. И чем глубже ученые погружаются в свои исследования, тем больше вариаций находят в окружающем мире. Главенство самок встречается не только среди бонобо, но и среди косаток, львов, пятнистых гиен, лемурув и слонов.

Когда речь заходит о принципах доминирования, Пэриш признает: «Мы многому можем научиться у бонобо». Конкретно у этого вида размер несколько не влияет на место под солнцем. Самки бонобо в среднем чуть мельче самцов бонобо, точно так же, как самки шимпанзе чуть мельче самцов шимпанзе. Отличает их друг от друга то, что самки бонобо формируют между собой тесные социальные связи, даже не состоя друг с другом в родстве, и впоследствии упрочняют отношения и регулируют конфликты, потираясь друг о друга своими гениталиями. В этих интимных коалициях рождается власть, лишая обособленных самцов возможности доминировать в коллективе.

«Есть устоявшееся представление о том, что мужчины от природы доминируют над женщинами, и что из мужчин получаются лучшие лидеры, чем из женщин. Но я бы не сказал, что это соответствует действительности», — говорит де Вааль. Научные свидетельства не так однозначны. Тем не менее, как показал опыт и де Вааля, и Пэриш, убедить в этом других заняло куда больше времени, чем, возможно, следовало бы. «Мужчинам очень трудно смириться с концепцией женского главенства», — признает он. Тогда вину за то, что в «Планете обезьян» закрывали глаза на очевидные факты, отчасти можно возложить на сексистские мифы, на протяжении многих десятилетий тормозившие изучение поведения животных.

«Мне, как мужчине, по-своему интересно писать о гендере и бонобо, к тому же, мне кажется, если бы женщина написала о бонобо то, что пишу я, ее слова, вероятно, не приняли бы всерьез», — добавляет он. Даже коллеги-приматологи не спешили признать существование вида с явным доминированием самок. Де Вааль вспоминает, как однажды в Германии, где он читал лекцию о власти альфа-самок у бонобо, «в конце обсуждения один немецкий профессор, пожилой уже мужчина, встал и спросил: «Что *не так* с этими самцами?». Он явно считал, что те априори должны доминировать».

Но за этим кроется и кое-что помимо сексизма. Изучая другие виды, мы невольно ищем в них то, что наблюдаем в самих себе. И если люди живут патриархальными обществами, разве могут наши ближайшие сородичи, приматы, которые в наших глазах олицетворяют первобытное прошлое человека, жить как-то иначе? Что это говорит об эволюционных корнях мужского доминирования?

Через пять лет после премьеры оригинальной «Планеты обезьян», в 1968 году Стивен Голдберг, профессор социологии Городского университета Нью-Йорка, опубликовал монографию, в которой утверждал, что биологические различия между мужчинами и женщинами настолько фундаментальны, что в любой итерации человеческого общества всегда так или иначе будет побеждать патриархальный уклад. В работе под названием «Неизбежность патриархата» он писал, что, как бы люди ни делили мировой пирог, мужчинам — более сильным и агрессивным, по его словам, от природы — в конечном итоге непременно достанется самый большой и лакомый его кусок.

Голдберг уверял, что оперировал научными фактами и точными биологическими данными. На деле же вся его аргументация сводилась к тому, что он сам определял как ощущение другими людьми

их собственного статуса. «В основе мужского превосходства лежит *чувство* [курсив его]¹, укорененное как в мужчинах, так и в женщинах, что воля женщины органически подчинена воле мужчины, — писал он. — Всякое общество признает существование этих чувств и подстраивается под них, соответствующим образом воспитывая потомство, потому что общество не может иначе». Голдберг мог бы трактовать такое поведение как самоисполняющееся пророчество и порассуждать о влиянии, которое культура оказывает на наш образ жизни на протяжении поколений. Но он предпочел рассматривать это как биологический инстинкт, готовый сценарий, разыгранный самой природой.

Но какой бы шарлатанской сегодня ни казалась теория Голдберга, по сути она мало чем отличается от научных и философских трудов прошлых столетий. Натуралист Чарльз Дарвин считал, что «мужчина в итоге стал превосходить женщину» в результате эволюции. Биолог Эдвард О. Уилсон в 1975 году назвал «доминирование взрослых мужчин над женщинами» одной из самых базовых моделей человеческого поведения. Снова и снова это убеждение воспроизводится и в популярной культуре. В одном из эпизодов телесериала «Звездный путь: Следующее поколение» 1988 года экипаж корабля переносится на планету, где правят женщины, а к мужчинам относятся как к людям второго сорта. Для зрителя необычность этого матриархального мира объясняется простым визуальным приемом: мужчины здесь заметно субтильнее женщин и ниже их ростом. Сразу понятно, что женщины главные, потому что они крупнее!

Но, как мы убедились на примере бонобо, различия в таких физических характеристиках, как средний рост и сила разнополых особей, необязательно приводят к перекосу власти в масштабах целого общества. В этом нет природной закономерности.

Почему же мы так упрямо считаем, что она обязательно должна быть? Социолог Кристин Дельфи отмечает, что даже феминистки зачастую опирались на биологические факторы в своих интерпретациях женской истории, углядывая корни патриархата в естественном разделении труда между полами или во всепоглощающей мужской одержимости женской сексуальностью. «Конечно, в антифеминистской теории натурализм проявляется еще более явно, — пишет она, — но и в феминизме он представлен в достаточной мере».

¹ В англоязычной традиции курсивом в предложении выделяется слово, на котором делается наибольший акцент. — *Прим. ред.*